

Глава 39. Повеса и бедный книжник

Последние дни летних каникул Чу Ван провел в поместье Чэн.

После похорон матери, поддавшись долгим уговорам Чэн Яня, он собрал свои нехитрые пожитки и решил оставить деревню Чу. Поначалу Чу Ван намеревался самостоятельно снять жилье в уезде Битань, но Чэн Янь, пустив в ход всё своё красноречие и мягкий напор, убедил его переехать в семейную усадьбу. Несмотря на радушный прием, юноша всё еще чувствовал себя не в своей тарелке, считая себя лишь временным гостем.

Узнав, что Чу Ван — один из лучших учеников академии Битань, Чэн Цайцзюнь принял его с величайшим почетом. Глядя на одаренного юношу, глава семейства лишь горько сокрушался, что его собственные сыновья не питают к учению ни малейшей страсти, и мечты рода Чэн о чиновничьей карьере, видимо, придется отложить до следующего поколения.

Чу Ван поселился в покоях Чэн Яня. Тот велел слугам подготовить для гостя отдельную боковую комнату, однако на деле вышло иначе: каждую ночь Чэн Янь неизменно прокрадывался к нему, и в его собственной спальне постель по несколько дней оставалась даже не расправленной.

Днем Чу Ван почти не выходил за порог, предпочитая уединение в саду или в комнате. Покидая родную деревню, он взял с собой лишь самое ценное — свои книги. Теперь он мог целыми днями напролет изучать каноны и труды мудрецов, не желая никого обременять своим присутствием и в полной мере проявляя натуру закоренелого домоседа.

Чэн Янь, напротив, пропадал в делах с рассвета до поздней ночи. Дела в ресторане шли в гору, требуя неусыпного внимания, но главной проблемой оставался Чэн Цзинь. Младший брат то и дело ввязывался в неприятности, и Чэн Яню регулярно приходилось выслушивать жалобы управляющих. Тот, дилетантски пытаясь командовать, лишь вносил хаос в отлаженную работу, и старшему брату приходилось раз за разом разгребать эти завалы.

— Все эти люди подкуплены братом! Они специально клеветают на меня, чтобы выжить из ресторана! — негодовал Чэн Цзинь, первым бежавший с жалобами к отцу.

— Замолчи! — отрезал Чэн Цайцзюнь. — Твой брат не такой человек! Я велел тебе учиться у него, а ты, похоже, и ухом не повел?

Чэн Цзинь побагровел от ярости и обиды.

— Вечно ты за него! Он просто хочет прибрать всё к рукам, не подпуская меня ни к чему, и ничему меня не учит!

Не понимая, почему отец так явно благоволит старшему сыну, он со злостью пнул

подвернувшийся стул и, хлопнув дверью, вылетел из комнаты.

Чэн Цайцзюнь в изумлении округлил глаза, перенося свой гнев на наложницу Хуа:

— Посмотри на него! Как ты воспитывала Цзинь-эра? Что это за нрав?!

Наложница Хуа, чувствуя себя несправедливо обиженной, тихо возразила:

— Но... Цзинь-эр в чем-то прав. Господин, вы и впрямь слишком выделяете Янь-эра. А когда слуги жалуются, вы, не разбираясь, сразу вините младшего. Он уже взрослый мужчина, ему просто стыдно перед подчиненными.

— Я выделяю?! — возмутился Чэн Цайцзюнь. — Да этот паршивец только и мечтает о том, как бы бросить все дела и сбежать! Думаешь, ему так нужно это наследство? — Он в сердцах махнул рукой. — Оба хороши, ни от одного нет покоя!

Проведя полмесяца в деревне Чу, Чэн Янь сполна ощутил вкус свободы, пропуская работу, и теперь возвращение к рутине давалось ему с трудом, а выходки брата лишь подливали масла в огонь.

— Я планировал вернуться домой еще в полдень, — жаловался он Чу Вану, вернувшись под покровом ночи. — Но этот олух умудрился затеять такую свару с гостем, что пол-уезда сбежалось поглазеть. Думаю, ресторанный бизнес — не его призвание. Ему бы на площади акробатом выступать, глядишь, и нашел бы своего зрителя.

Чу Ван мягко улыбнулся и прикоснулся к его руке:

— Ну всё, дело уже прошлое, не сердись. Ты всё уладил? Поел?

Он подошел и помог Чэн Яню снять тяжелый верхний халат. Тот внезапно обхватил его за талию и, уткнувшись лицом в шею, негромко пробормотал:

— Дела уладил. Обед был, а вот ужин — еще нет.

От дыхания и щекотных прикосновений Чу Ван невольно вздрогнул и попытался отстраниться, не в силах сдержать смехок:

— Перестань... Я оставил тебе ужин, давай я всё согрею, и поедим вместе.

Чэн Янь положил подбородок ему на плечо. Каждое его слово теплым дыханием обжигало ухо Чу Вана, заставляя бледную кожу мгновенно заливаться краской. Не желая останавливаться, он

прижался еще плотнее, на миг коснувшись губами его шеи, а затем, прежде чем юноша успел возразить, прижал его к резной ширме.

Ширма жалобно скрипнула и опасно качнулась. Чу Ван прерывисто вздохнул и, не отрывая взгляда от лица Чэн Яня, сглотнул:

— Ты... что ты делаешь...

Чэн Янь прищелкнул языком и, придвинувшись к его шее, негромко произнес:

— Сначала я хочу отведать совсем другого.

Бам!

Чу Ван еще не успел придумать, как ответить на эти двусмысленные слова, как оба услышали резкий звук снаружи. Юноша замер, а Чэн Янь, мгновенно посерьезнев, отстранился и вышел проверить, что случилось.

Дверь в покои оставалась приоткрытой. В его дворике не было служанок; единственный слуга, Цзифэн, днем присматривал за Чу Ваном, но на ночь уходил в свои помещения в задней части двора. Чу Ван выбежал следом, в его голосе звучала тревога:

— Кто это был?

Чэн Янь покачал головой. Он успел заметить лишь тень, метнувшуюся за ворота, но силуэт исчез слишком быстро. Заметив беспокойство друга, он попытался его успокоить:

— Не бери в голову, пустяки.

— Но этот человек... он мог что-то увидеть... — не унимался Чу Ван.

Чэн Янь обнял его за плечи, придавая уверенности:

— Даже если и увидел, нам нечего бояться.

Чу Ван посмотрел на него. В его глазах всё еще читалось сомнение, но спорить он не стал.

В покоях Чэн Яня была небольшая кухня — такие были во всех основных дворах поместья, но раньше ими пользовались редко, предпочитая общие трапезы. Теперь же, из-за занятости Чэн Яня и нежелания Чу Вана лишний раз сталкиваться с домочадцами, она пришлась как нельзя кстати.

Переодевшись в домашнее, Чэн Янь вышел в зал и увидел Чу Вана, расставляющего на столе блюда. Он поспешил помочь:

— А где Цзифэн? Ты можешь отдавать ему любые поручения, я ведь плачу ему жалованье!

— Уже поздно, я не хотел его беспокоить, — мягко ответил Чу Ван.

Чэн Янь усадил его рядом:

— Ну ладно. Но в следующий раз зови его, а если он занят — зови меня.

— Я и сам со всем справлюсь, — возразил Чу Ван. Его смущало, что, будучи гостем, он окружен такой чрезмерной заботой со стороны молодого господина.

Чэн Янь взял палочки и, подхватив кусочек овощей, поднес его к губам друга. Чу Ван на мгновение замер, но затем послушно принял угощение.

— Ешь сам, я справлюсь, — прошептал он, чувствуя, как горят щеки.

Чэн Янь принялся за еду. Он не ел с самого утра, поэтому теперь поглощал ужин с заметным аппетитом. Поскольку Чу Ван соблюдал траур, его стол был подчеркнуто простым, и Чэн Янь без тени сомнения разделял с ним эту постную диету. По его просьбе повара умудрялись готовить вегетарианские блюда так искусно, что они ничуть не казались пресными.

Сделав несколько глотков супа, Чэн Янь замер:

— Ты снова готовил сам?

Чу Ван кивнул:

— Я ведь один ел, зачем было звать кого-то ради таких пустяков...

Чэн Янь обычно возвращался на обед. Кухня в ресторане была во власти Чэн Цзиня, и он не хотел лишних столкновений, предпочитая домашний уют. Совместные обеды стали для них редкими минутами близости среди суеты будней. И лишь недавно он заметил, что Чу Ван, привыкший с детства заботиться о матери, стремится делать всё сам.

— Это не называется «беспокоить», — наставительно произнес Чэн Янь. — Подумай сам: я плачу повару, и если ты не даешь ему работы, значит, мои деньги пропадают зря. К тому же, ты и так по горло в книгах, зачем тебе еще и у плиты стоять?

— Это совсем не трудно, — тихо отозвался Чу Ван. — И к тому же...

— М-м? — Чэн Янь не расслышал окончания фразы.

Чу Ван опустил голову, пряча взгляд:

— Я просто хотел приготовить это именно для тебя...

Чэн Янь замер. Несмотря на опущенную голову, он видел, как у друга алеют кончики ушей. Чэн Янь невольно рассмеялся:

— И чем же я заслужил такую честь, что лучший талант уезда Битань готовит мне ужин?

Настроение его мгновенно улучшилось, в голосе зазвучали шутливые нотки. Он потянулся рукой, желая приподнять подбородок Чу Вана, но тот упрямо не поднимал глаз, и Чэн Яню осталось лишь легонько коснуться его пальцами. Чу Ван внезапно вскинул голову и, закусив губу, произнес:

— Если ты готов ради меня оставить дела и стоять у очага, то почему я не могу сделать того же?

Чэн Янь на мгновение онемел, а затем порывисто обнял его. Ему было и смешно от этой невинной серьезности, и в то же время сердце переполняла неизъяснимая радость.

За тихим разговором и совместным сном тревога из-за ночного гостя быстро стерлась из памяти. Лишь спустя несколько дней Чэн Янь узнал, что незванным свидетелем был Чэн Цзинь. Тот, не мешкая, донес обо всем отцу, и Чэн Цайцзюнь вызвал старшего сына на серьезный разговор.

Поначалу, услышав обвинения младшего, Чэн Цайцзюнь первым делом потянулся за метелкой из перьев.

— Ты не только не желаешь учиться делу, так еще и выдумываешь всякие мерзости, чтобы очернить брата и Чу Вана! Ты меня в край разочаровал! — гремел он.

Будь на месте Чэн Цзиня опытный в таких делах старший брат, он бы тут же уклонился от удара. Но младший стоял не шелохнувшись, его глаза горели упрямством и обидой:

— Я ничего не выдумываю! Почему ты веришь каждому его слову, а мне — никогда?!

Чэн Цайцзюнь едва не задохнулся от ярости:

— И как мне верить?! Твой брат раньше из публичных домов не вылазил, и если бы не его... кхм... недуг, он бы и сейчас там пропадал.

Чэн Цзинь презрительно фыркнул:

— Дело не в том, что он «не может», просто с женщинами он не годен.

— Не смей нести чепуху! — Чэн Цайцзюнь снова замахнулся метелкой.

— Я своими глазами видел, как они обнимались, а брат еще и целовал этого Чу Вана! — выпалил младший, и в его взгляде промелькнуло отвращение при воспоминании о той сцене. — Не веришь — сходи и посмотри сам!

Чэн Цайцзюнь не поверил. Но на всякий случай два дня подряд незаметно наблюдал за двором старшего сына.

Он видел, как Чу Ван готовит еду для Чэн Яня. Видел, как во время ужина Чэн Янь непременно пытается покормить того с рук. Видел, как с наступлением темноты старший сын не идет к себе, а направляется в боковую комнату к Чу Вану...

Простояв у входа в сад больше часа и увидев, что свечи погасли, а Чэн Янь так и не вышел, отец, кутаясь в халат и поминутно чихая, вернулся к себе. Первым же делом он вызвал к себе слугу Цзифэна.

Тот знал немного, но Чэн Янь и Чу Ван особо не скрывались, и проницательный слуга не мог не заметить очевидного.

Голова у Чэн Цайцзюня пошла кругом. Если бы Чэн Янь просто завел себе любовника из актеров, это бы его так не беспокоило.

— Как Янь-эр относится к Чу Вану? — спросил он Цзифэна.

Слуга растерянно моргнул:

— Как относится? Не могу знать, господин, но молодой господин очень заботится о господине Чу.

— А... как Чу Ван относится к Янь-эру?

— Тоже очень хорошо!

Не добившись внятного ответа, глава семейства решил спросить прямо. Он вызвал сына в кабинет и без обиняков начал:

— Что у вас происходит с Чу Ваном?

Чэн Янь шел к отцу, думая, что речь пойдет о делах ресторана, и столь резкое начало застало его врасплох. Спустя мгновение он взял себя в руки:

— Значит, отец уже всё знает?

Последние сомнения Чэн Цайцзюня развеялись. Он тяжело задышал, шаря рукой в поисках метелки, но, не найдя её в кабинете, в сердцах хлопнул по столу:

— И когда это началось?!

— Еще в академии, — честно ответил Чэн Янь.

Отец надолго замолчал, а затем глухо спросил:

— Ты это делаешь не из-за того, что я запретил тебе посещать веселые кварталы? Решил мне отомстить?

Чэн Янь не выдержал и невольно улыбнулся — столь нелепым показалось ему это предположение.

— Отец, тебе бы сказителем на площади выступить, такой талант пропадает.

Чэн Цайцзюнь лишь гневно сверкнул глазами. Помолчав, он добавил:

— Цзинь-эр говорит... что ты к женщинам не можешь?

— Чэн Цзинь? — Чэн Янь прищелкнул языком, вспомнив шум в саду. Теперь личность «ночного гостя» стала очевидной. Подумав, что брату тоже не мешало бы заняться сочинительством, он уверенно кивнул: — Да, брат прав. — В конце концов, это было удобным оправданием, способным раз и навсегда избавить его от лишних вопросов.

Чэн Цайцзюнь снова погрузился в молчание.

Чэн Янь и раньше подумывал открыться отцу. Как бы то ни было, ему предстояло прожить в этом мире жизнь Чэн Яня, и отец заслуживал правды. Но он не планировал делать это так скоро, надеясь сначала укрепить свое положение и подготовить почву. Столь внезапное признание могло вызвать непредсказуемый гнев.

Спустя долгую паузу Чэн Цайцзюнь спросил:

— У тебя с ним... всё серьезно?

Чэн Янь посмотрел на отца, заметив новые морщинки у его глаз. Несмотря на то что тот всё еще бодро замахивался метелкой на сыновей, годы брали свое.

— Серьезно, — твердо ответил он. — Я намерен прожить с ним всю жизнь. — И, предваряя возможные упреки, добавил: — Это я заставил его быть со мной. Он долго сопротивлялся, пока я не взял его измором. Если хочешь винить — вини меня, его не трогай.

Отец воззрился на него:

— Тому, что ты способен на подобное самоуправство, я ничуть не удивлен! А ну, на колени!

Чэн Янь немедленно подчинился. Он не стал юлить или спорить, что лишь еще больше раззадорило отца. Тот снова вскричал:

— Да что ты заладил «на колени»! Вставай живо! С чего это сын Чэн Цайцзюня, обладая такими достоинствами, должен добиваться кого-то силой?!

Чэн Янь опешил. Отец был непредсказуем. Пожалуй, его можно было назвать по-настоящему мудрым родителем. Видя, что его сыновья и так не блещут талантами, он, похоже, смирился с выбором старшего.

— Раз уж сошлись, — назидательно произнес Чэн Цайцзюнь, — то относись к нему достойно.

— Я знаю, — ответил Чэн Янь.

Отец посмотрел на него сложным, нечитаемым взглядом:

— Пройдет несколько лет, и если ваши чувства не остынут — живите вместе. Даже если вы оба мужчины, нужно строить жизнь по совести... Ох, постой... А, ладно! Ступай с глаз моих! Видеть не хочу этого непутевого сына!

На полуслове он вдруг осекся, лицо его изменилось, и он буквально выставил Чэн Яня за дверь,

всем видом показывая, что разговор окончен. Тот вышел, ничего не понимая.

Лишь спустя несколько дней, изучив законы империи, Чэн Янь узнал, что еще с древних времен существовали указы, признававшие законными браки между мужчинами. Однако мужчина, принявший статус «супруги», терял в социальном положении: ему навсегда закрывался путь к государственным экзаменам и чиновничьим постам.

Чэн Янь оцепенел, осознав наконец смысл того отцовского взгляда. Чэн Цайцзюнь смотрел на него как на «отрезанный ломоть» — как на дочь, покинувшую отчий дом ради замужества.

<http://bllate.org/book/15870/1499153>